

БИРЖЕВЫЯ ВЪДОМОСТИ

Подписныя цѣны:

Доставка въ Петроградѣ и съ перес. въ Россію два раза въ день:		Съ доставкой въ Петроградѣ и съ перес. въ Россію одинъ разъ въ день:		Съ доставкой въ Петроградѣ и съ перес. въ Россію одинъ разъ въ день:	
УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ		УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ		ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСКЪ	
3 мѣс.	3 руб. 75 коп.	на 3 мѣс.	2 руб. 50 коп.	на 3 мѣс.	1 руб. 50 коп.
2 "	2 " 50 "	2 "	1 " 70 "	2 "	1 " — "
1 "	1 " 25 "	1 "	— " 85 "	1 "	— " 50 "

Перезыма адресъ 15 коп. ♦ Адресъ для телегр. Биржѣвдоности.

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

основана С. М. Пропперомъ.

Объявленія: Утренній выпускъ: впереди текста на II стр.—1 руб. 20 коп. позади текста—40 коп. Вечерній выпускъ: впереди текста на I стр.—1 руб., на II стр.—1 р. 50 к., IV стр. главн. листъ—80 к., остальн. стр. 45 к., акціон. публ., цифр. и табл. наборъ—50 к.

Редакция и Глазная контора Петроградъ, Галерная ул., соб. д. № 40.
 Невское отдѣленіе конторы: Петроградъ, Невскій пр., № 50 (уголь Садовой).
 ОТДѢЛЕНІЯ конторы для городскихъ подписчиковъ въ Петроградѣ: В. О., 9-я л., д. 8, при книжн. маг. Н. Д. Тишкина; 2) Выб. ст., Нижегородская ул., д. № 15, при книжн. маг. „Практическая Медицина“ 3) Петрогр. ст., Большой пр., д. № 6, при книжномъ магазинѣ „Учебное Дѣло“. 4) Невскій пр., д. № 66, книжн. маг. бывш. М. В. Попова; 5) Вас. Остр., Средній пр., д. 37, книжн. маг. А. Ф. Шаулина; 6) Вас. Остр., Средній пр., д. № 9 книжн. магаз. „Естествоиспытатель“; 7) Вознесенскій пр., д. № 47, книжн. маг. А. А. Климанова; 8) Загородный пр., д. № 76, (прот. Технолог. Института), книжный магазинъ „Петроградское Книжное Дѣло“; 9) Суворовскій пр., д. № 25. (между 3-й и 9-й Рождеств. ул.), книжный магазинъ Ф. Л. Смирнова.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ въ Москвѣ; Тверская ул., 37, тел. 235-10.

Отдѣльные номера въ Петроградѣ, Москвѣ и провинціи **6** КОП.

ТЕЛЕФОНЫ: Редакція Утр. вып. № 426—98, Веч. вып. № 408—88, 410—22. Типографія № 38—44. Главной Конторы № 275-25. Отд. объявленій № 662. Невскаго Отдѣленія Конторы № 38—88.

№ 15. 85. Понедѣльникъ, 2-го (15-го) ноября 1915 г.

Годъ XXXV изданія.

Статьи, доставленныя для помѣщенія въ газетѣ безъ опредѣленія условій, оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны быть за подписью и съ адресомъ автора, безъ чего печататься не будутъ. Возвращеніе рукописей для Редакціи не обязательно.

того сада» его не беспокоила. Колумбы и Колумбады, изобретение бывшие «испанскими» и усадьбы, также не вызывали его смущения. Он желал одного: чтобы земля досталась крестьянам, и не в широком, а в личную собственность, чтобы крестьяне жили привольно, в трезвости, и материально довольно, чтобы в их среде было много шло и правильно поставлена была медицинская помощь.

Чехова мало интересовали вопросы федеративного устройства или монархии, парламентаризма. Но он желал видеть Россию свободной, т. е. всякой национальной вражды, а единство — национальное, в правах с прочими сословиями, признавая в земской деятельности и в представительстве в законодательном собрании. Широкая терпимость в религиозных вопросах, возможность для печати, печать и печать не отбрасываемой, свободное течение событий, свобода слова, ассоциаций, инициативы при полном равенстве всех перед законом и судом, — таковы были необходимые условия того лучшего будущего, в котором он возмателем стремился и близкого наступления которого он ждал.

Какъ горячо относился Чеховъ ко всякой несправедливости, вызываемой национальными или религиозными счетами, обь этомъ можно судить по его отношению къ д-ру Дрейфусу. Оно какъ разъ разширилось въ бытность его въ Ниццѣ.

Серьезно познакомившись съ письм. Чеховъ написалъ длинное письмо А. С. Суворину, жившему въ это время въ Парижѣ. Второму, жившему въ это время въ Парижѣ. Письмо это, какъ можно судить изъ ответа, имъ полученнаго, произвело ожидаемое действие: уверенность Суворина въ виновности Дрейфуса была поколеблена; по это обстоятельство никакъ не отразилось на отношеи «Новаго Времени» въ знаменитому процессу.

Шрибская нить России, Чеховъ нередко дарилъ мнѣ отдельные томики своихъ рассказовъ. Меня всегда поражаемо его умѣние сказать такъ много на немногихъ страницахъ. Онъ отличался въ этомъ отношеи теми же качествами, что и Гюль-де-Мопассанъ. Говоря однажды со мною обь авторѣ «Одной жизни» и столькихъ непоказанных повѣстей и повѣстуншекъ, Тургеневъ сказалъ мнѣ: «Вотъ человекъ, который обладаетъ тѣмъ качествомъ, которое Гомеръ передавалъ бы словами: вѣсть быка за рога». Того же чертою отличался и Чеховъ. Французы вообще любили проводить параллель между ними. Я лично зналъ некоторыхъ переводчиковъ Чехова, въ числѣ ихъ одно парижскаго медика. Онъ говорилъ мнѣ, что сходство нашего писателя съ авторомъ «Одной жизни» до некоторой степени даже мѣшаетъ успѣху его въ средѣ французскихъ читателей, которые предпочитаютъ ему яркаго изобразителя жизни «На дѣ» Максима Горькаго.

У Чехова вы не найдете прерывающихся нить рассказа отступлений, красиваго описанія картинъ природы, подобныхъ, — скажу для примѣра, — «Украинской ночи» Гоголя или вѣсть известнаго начала «Бѣжнаго луга» Тургенева.

Однажды я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, какъ Чеховъ избѣгаетъ всякихъ ненужныхъ подробностей. Было это въ Римѣ, въ первый день Великаго поста. Мы вышли вмѣстѣ въ собора св. Петра, гдѣ при насъ происходила довольно театральная процессія «выкуриванія слѣдовъ карнавала». «Для беллетриста, — замѣтилъ я ему, — видѣнное не лишнее некоторой прелести; хорошая тема для описанія». — «Ничего, — отвѣтилъ онъ мнѣ. — Современный рассказчикъ принужденъ быть бы удовольствоваться одной фразой: «танулась глупая процессія».

Когда я вспоминаю о Чеховѣ, мнѣ живо приходится на умъ ночь, проведенная съ нимъ въ одномъ поѣздѣ по дорогѣ въ Римъ. Намъ обоимъ не спалось. Мы разговорились о своихъ планахъ и надеждахъ. «Мнѣ тридцать, — сказалъ онъ, — задаться мыслью о какой-нибудь продолжительной работѣ. Какъ врачъ, я знаю, что жизнь моя будетъ коротка». Чеховъ, въ молодости столь жизнерадостный, заражавший своими смѣлыми читателями «Русскаго Курьера», въ которомъ печатались его малые рассказы, подъ влияниемъ болѣзни сталъ все болѣе и болѣе сосредоточеннымъ, но не мрачнымъ. Онъ безъ страха смотрѣлъ въ будущее и не жаловался на свою судьбу, считалъ ее неотвратимой. Проводя по необходимости зими вдаль отъ родины, онъ жилъ, однако, всегдѣ только ея интересами. Мнѣ не пришлось встрѣчать человека, который въ меньшей степени былъ бы туристомъ. Его привлекала природа, не столько грандиозная ея картина, сколько скромный сельский пейзажъ. Осмотръ музеевъ, картинныхъ галлерей, развѣдываніе болѣе уютнаго, чѣмъ пѣлнвалъ его. Въ Римѣ мнѣ пришлось взять на себя роль проводника, показывать ему форумы, развалины дворца Цезарей, Кампидоній.

Ко всему этому онъ оставался болѣе или менѣе равнодушнымъ, но не прочь былъ съѣздить въ Тиволи, Фраскати, Альбано. Мы должны были продолжать нашу поѣздку до Неаполя; но полученные имъ письма, известіе о скорой постановкѣ его новой пьесы, желаніе свидѣться съ родными и близкими, потянули его неудержимо въ Россию. Я убѣдилъ его остаться въ мою епопею шувъ и проводить его на станцію. Здѣсь мы разсѣлись, чтобы болѣе не встрѣтаться. По временамъ доходяли до меня вѣсти обь его бракъ, обь успѣхѣ «Дяди Ваня» въ Художественномъ театрѣ и о томъ, какъ все болѣе и болѣе обострилась его болѣзнь, а затѣмъ торжестно отозвалась во мнѣ вѣсть о его одинокой кончинѣ въ Баденъ-Вейлерѣ, куда онъ уѣхалъ лечиться.

Изъ моего многолѣтняго знакомства съ Чеховымъ я вынесъ то впечатлѣніе, что если бы судьба не надѣлила его художественнымъ талантомъ, Чеховъ шибрился бы извѣстность, какъ ученый и врачъ. Это былъ умъ необыкновенно положительный, чуждый не только мистицизма, но и всякой склонности къ метафизикѣ. Его пристрастия были на сторонѣ точныхъ наукъ, и въ самомъ литературномъ творчествѣ въ немъ выступала, какъ рѣдко у кого, способность точнаго анализа, не примиряема ни съ какой сантиментальностью и ни съ какими преувѣченіями. Онъ любилъ работу писателя и относился къ ней съ величайшей серьезностью, изучая разносторонне подматериалъ темы, знакомясь съ жизнью не изъ книгъ, а изъ непосредственнаго сношенія съ людьми. Какъ человекъ, онъ имѣлъ простоту отношеи, даже преувѣченномъ страхомъ попасть на подмошкы.

Вѣтвляясь холодность соединилась въ немъ съ теплымъ участіемъ къ чужимъ невгодамъ, съ желаніемъ оказать услугу товарищамъ по ремеслу и даже къ людямъ, совершенно ему постороннимъ. Такъ и въ болѣеи ряду жѣтъ онъ лѣчилъ даромъ и съ болѣеи охотой крестьянъ своего уѣзда, приходя на помощь мѣстному лѣкарю. Къ самому себѣ Чеховъ умѣлъ относиться съ строгой критикой. Я видѣлъ его послѣ ряда часовъ, проведенныхъ за корректурой «Трехъ сестеръ». Онъ былъ не въ духѣ, выходялъ пропать недостатковъ въ своей пьесѣ и вѣлялъ, что болѣе для театра писать не будетъ. Къ счастью, такое настроеніе скоро проходило у него, и когда кто-нибудь изъ пріятелей позволялъ себѣ критическое отношеніе къ тѣмъ или другимъ сторонамъ его комедіи, онъ вслушно и покорно оставалъ написанное, прибавляя: «Нельзя судить о пьесѣ, не видѣвъ ея на сценѣ».

Для меня Чеховъ все же остается не только драматическимъ писателемъ, сколько безроднымъ разоблачителемъ, превосходно знающимъ русскую жизнь, внимательно слѣдящимъ за измѣненіемъ общественныхъ настроеній, предвѣдывающимъ наступленія переломовъ, пророчествовавшимъ безотлучно близкое будущее нашей родины. Превосходный стилистъ, тщательно отбывавший свой слогъ, избѣгавшій длинныхъ фразъ, всего неузнаваема и второстепеннаго, онъ умѣлъ сразу вводить читателя въ кругъ затронутыхъ имъ интересовъ. Немногими штрихами обрисовывалъ онъ типъ в русскаго агента, которого изъ города не вышло изъ деревни и который не имѣлъ возможности выйти въ свой заработокъ, и молодого интеллигента, отчаивающаго о своей собственнѣ и не умѣющаго устроитъ собственной жизни, и той многочисленной категоріи людей, для которыхъ Чеховъ имѣлъ сочувствіе въ нашемъ обществѣ чертѣ «Человѣкъ изъ футляра». А. И. Курцманъ въ своемъ интересномъ соошеиіи называлъ Чехова родоначальникомъ современнаго русскаго романа; и полагаю, что эта оценка будетъ дана ему современемъ и историками руссокой литературы.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

Объ А. П. Чеховѣ.

Меня познакомилъ съ А. П. Чеховымъ старый пріятель, редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей», В. М. Соболевскій. Я жилъ въ это время въ окрестностяхъ Ниццы, въ деревнѣ Боупе. Чехову порекомендовали кожный климатъ. Пробывъ некоторое время въ Биаррицѣ, онъ вмѣстѣ съ Соболевскимъ перѣехалъ въ болѣе теплую Ниццу и устроился здѣсь на зиму въ руссокомъ пансіонѣ, въ которомъ ранѣе его жилъ Салтыковъ-Щедринъ. Чеховъ показался мнѣ мало разговорчивымъ и мрачнымъ. Ледъ между нами не сразу растаялъ. Но на работѣ въ небольшомъ медѣль мы сдѣлались уже пріятелями. И не разъ пріближалъ пообщаться обь имъ въ пансіонѣ въ обществѣ живаго тамъ же зоологическаго зоолога Коротнева, устроителя биологической станицы въ Вилла-Франкѣ и профессора лѣвскаго университета. Оба они также нерѣдко пріближались ко мнѣ или вмѣстѣ со мною предпринимали поѣздки по окрестностямъ. Чеховъ посетилъ Ниццу въ зимнюю зиму годъ-рядъ. Когда здоровье его поправилось, онъ не прочь былъ съѣздить и въ Монте-Карло, и въ Марсель, и на итальянскую Ривьеру. Въ этихъ поѣздкахъ его неизменно сопровождалъ какъ Коротневъ, такъ и я. Боролась прежде, чѣмъ стать зоологомъ, окончивъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ въ Москвѣ. Чеховъ также получилъ медицинское образованіе и, живя въ подмосковной деревнѣ, не отказывалъ крестьянамъ, разубѣется даромъ, въ медицинской помощи.

Любовь къ медицине и острознанию дозволено облюбовать лѣвскаго профессора съ русскими писателями. Но была и другая черта сопряженности у обоихъ. Любовь къ живописи, къ руссому ландшафту, въ частности, къ пейзажамъ Левитана. Коротневъ въ лечеиіе ряда лѣтъ отлавлялъ себѣ маленькую коллекцію картинъ, преимущественно руссокихъ и некоторыхъ западныхъ художниковъ.

Въ нашемъ обществѣ обыкновенно бывали и пріближавшіе изъ Россіи литераторы и живописцы: князь Суматовъ, Потапенко, Яковъ и Юрасовъ, исполнявшій въ Ментонѣ обязанности вице-консула, но избравшій своимъ постояннымъ жилищемъ Ниццу.

Чеховъ не любилъ выходить изъ этого круга. Его мудрено было зазвать въ великосвѣтскій салонъ. Да и съ пріятелями онъ не всегда былъ разговорчивъ. Особенно, когда у него показывалась кровь изъ горла. Но чѣмъ пріядки были не часты. Среди гда у него показывалась кровь изъ горла. Но тамъ пріядки были не часты. Среди зимы онъ обыкновенно чувствовалъ себя лучше послѣ двухъ—трехъ мѣсяцевъ пребывания на Ривьерѣ. Тогда его тянуло изъ Ниццы и мы предпринимали съ нимъ наши странствованія, рѣдко когда длившіяся болѣе недѣль. Когда онъ принимался за литературную работу, онъ исчезалъ на рядъ дней изъ нашего круга. Писалъ онъ далеко не ежедневно, какъ это вошло въ привычку некоторыхъ известныхъ мнѣ беллетристовъ. Рассказъ и повѣсть требовали отъ него усидчивой работы, нерѣдко въ продолженіе недѣль. Тогда онъ не опускался даже съ табакъ доту. И когда показывался снова въ нашемъ обществѣ, мы не безъ грусти отиѣчали перемѣну въ его лицѣ. Онъ блѣднѣлъ и казался худѣе прежнего. И во время совѣстныхъ прогулокъ онъ часто смолчалъ, какъ бы озабоченный какими-то мыслями. Въ это время онъ, по всей вѣроятности, обдумывалъ записанный имъ рассказъ.

Въ литературной работѣ Чеховъ относился съ большой серьезностью. Онъ какъ-то сталъ жаловаться мнѣ, что пріятель-врачъ худѣлъ отъ работы въ Москвѣ, слѣдуетъ худѣть и перѣехать въ Крымъ. «На что мнѣ онъ жаловался?» — говорилъ онъ полуплути, задумавшись. — Прежде я окруженъ былъ людьми, вся жизнь которыхъ протекала въ моихъ глазахъ; а теперь крестьянъ, ахилъ школьныхъ учителей и земскихъ медиковъ. Если и когда-нибудь напишу рассказъ, про сѣвскаго учителя, сего моего неслучайнаго человека во всей Имперіи, то на основаніи знакомства съ жизнью интеллигентныхъ ихъ».

Не долго было звать Чехова на окошко-нишю продолжительный разговоръ, который позволилъ бы оставить себѣ понятіе обь его отношеи къ руссокой действительности. Но по временамъ это мнѣ все же удавалось. И вѣсть изъ этихъ бесѣдъ убѣдительно, что Чеховъ отиѣлъ и неубѣдительно, и жадно читалъ и мечталъ о немъ, какъ о великомъ писателѣ, какъ о великомъ писателѣ, какъ о великомъ писателѣ. Прочитавъ рубка «Вѣстни